
Шарлотта Эйзинбург
POLICE
СОГРЕЙ МЕНЯ, БОСС

Шарлотта Эйзинбург
Согрей меня, Босс

https://litres.ru/74700172

Аннотация

Застрять в лесу со своим новым боссом то ещё удовольствие. Особенно когда он, суровый майор Дамир Басаев, гора стальных мышц и мой личный авторитарный кошмар. Служебный УАЗик намертво тонет в грязи, связь не ловит, а ледяной ливень загоняет нас в заброшенный охотничий домик. И чтобы мы не околели от холода, Басаев отдаёт возмутительный приказ: снять мокрую одежду и греться вместе. Под одним старым покрывалом. Вот только как мне, девушке с пышными формами, пережить эту ночь и не нарушить устав, если от горячих рук начальника на моей талии уже плавится здравый смысл?

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 9
Глава 3 13
Глава 4 16
Глава 5 19
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Глава 1

Если бы мне сегодня утром сказали, что я буду отмораживать свою выдающуюся (и, будем честны, весьма аппетитную) пятую точку в заброшенном охотничьем домике посреди чёртового леса, я бы рассмеялась этому человеку в лицо. А потом арестовала бы за оскорбление сотрудника полиции.

Но реальность оказалась куда более жестокой.

А ведь начиналось всё так бодро. Наш «сверхнадёжный» штатный информатор клялся здоровьем своей печени, что именно в этом лесном квадрате прячется вооружённый рецидивист, которого наш отдел безуспешно ищет уже месяц. Мой новый начальник, мужчина деятельный и жаждущий раскрываемости, тут же скомандовал: «По коням, лейтенант Пушкарёва, берём тёпленьким!».

Ага. Взяли.

Рецидивиста в лесу, естественно, не оказалось. Зато обнаружились следы жизнедеятельности диких кабанов и пустые бутылки. Ложный вызов. Эпичный провал. Но на этом Вселенная не закончила надо мной издеваться.

На обратном пути связь на моём телефоне торжественно сдохла, показав на прощание унылый перечёркнутый кружок. Служебный «УАЗик» сел на пузо в такую эталонную грязь, что вытащить его смог бы только вертолёт, которого у нашего скромного отдела полиции, разумеется, не было.

И всё бы ничего, если бы последние полчаса мы с моим новым начальником не пытались вытолкать эту колымагу под проливным осенним дождём. Спойлер: грязь победила. А я, поскользнувшись, ещё и ухнула по колено в ледяную лужу, окатив нас обоих жижей.

Теперь мы стояли в каком-то чудом найденном покосившемся охотничьем срубе. За окном стеной лил дождь, превращая грунтовую дорогу в непроходимое месиво. А в двух шагах от меня, тяжело дыша, стоял он.

Мой новый начальник. Майор Дамир Басаев.

Гора мышц, лёгкая небритость, о которую при желании можно точить табельное оружие, и взгляд карих глаз, от которого хотелось немедленно написать явку с повинной. Кавказский темперамент он обычно прятал под маской ледяного профессионализма, но сейчас, кажется, даже его железная выдержка дала сбой.

Дамир устало провёл ладонью по лицу, стирая капли дождя вперемешку с грязью.

— Ну что, лейтенант Пушкарёва, — выдохнул он. — Кажется, сегодня мы ночуем здесь. До трассы пешком километров десять, в такую темень и ливень мы шею свернём быстрее, чем выйдем к людям.

— Отличный план, товарищ майор, — клацая зубами, пробормотала я. — Только до утра я не доживу. Можете сразу оформлять меня как потерю при исполнении.

Я попыталась обхватить себя руками, чтобы хоть как-то

унять крупную дрожь. Форменная куртка намокла насквозь и теперь висела на мне ледяным панцирем. Джинсы прилипли к ногам, а в ботинках можно было разводить карасей.

Дамир нахмурился, его взгляд быстро прошёлся по моей трясущейся фигуре. Синяки под моими глазами и посиневшие губы явно не добавили мне шарма.

— Так, Настя, слушай внимательно, — его тон стал жёстче. Он стянул с себя насквозь промокшую куртку и бросил её на пол. — Если мы останемся в этом, через час оба слягжем с пневмонией. А ты так вообще уже синяя. Раздевайся.

Я замерла, уставившись на него.

— Что?

— Раздевайся, говорю, — он в два шага преодолел расстояние, между нами. — Нам нужно снять мокрую одежду и выжать её. Иначе мы замёрзнем насмерть. Это физика, Пушкарёва, а не предложение руки и сердца.

— Да я понимаю, что физика! — пискнула я, инстинктивно отступая на шаг и вжимаясь спиной в бревенчатую стену. — Но...

Но проблема была в том, что я это я. Настя Пушкарёва. Девушка, чьи формы далеки от глянцевых стандартов. Я люблю свои изгибы, люблю свою мягкость и те самые эклеры по выходным. Но одно дело принимать себя, а другое — раздеваться в полутьме сарая перед мужчиной, чья фигура под мокрой футболкой сейчас подозрительно напоминала ожившую статую античного бога. С рельефным прессом и широ-

ченными плечами.

Я на его фоне — просто сдобная булочка. Очень замёрзшая и закомплексованная булочка.

— Настя, — Дамир остановился в полуметре от меня. Его голос внезапно стал мягким. Обволакивающим. Он словно прочитал все мои панические мысли на лице. — Прекрати. Мы напарники. И прямо сейчас моя задача не дать тебе околеть. Я отвернусь, если тебя это смущает. Здесь на лавке есть старое покрывало, оно вроде сухое. Закутаешься в него.

Он действительно демонстративно отвернулся к покосившемуся камину, в котором валялось несколько чудом уцелевших поленьев, и достал из кармана штанов зажигалку.

Я сглотнула. Зубы выбивали барабанную дробь. Понимая, что он абсолютно прав, я непослушными пальцами потянула бегунок куртки. Потом стянула мокрую, прилипшую к телу рубашку. Воздух в домике показался ещё более ледяным, и я судорожно накинула на плечи найденное пыльное, жёсткое покрывало, закутавшись в него по самый нос.

— Я... всё, — тихо сказала я.

Дамир обернулся. В камине уже робко занимался огонёк. Басаев тоже избавился от верхней одежды, оставшись в одних форменных штанах, которые висели низко на бёдрах. Мой взгляд невольно примагнитился к его смуглой груди, покрытой лёгкой испариной, и тёмной дорожке волос, убегающей за ремень.

Матерь божья. Он подошёл ко мне, стянув мокрые вещи

с пола, и повесил их на спинку колченого стула поближе к огню. А потом посмотрел на меня.

— Всё ещё трясёшься, — констатировал он, глядя, как ходит ходуном покрывало на моих плечах.

— Э-это от адреналина, — соврала я.

— Это от переохлаждения, — отрезал Дамир. Он шагнул ближе. — И этот костёр нас двоих сейчас не согреет. Иди сюда.

— Зачем? — я вцепилась в края покрывала так, словно от этого зависела моя жизнь.

Басаев тяжело вздохнул.

— Будем делиться теплом, Пушинка. Я, конечно, начальник, но ради твоего здоровья готов поработать батареей. Иди ко мне, пока я не оформил это как прямой приказ.

Глава 2

— Прямой приказ? Вы мне ещё выговор с занесением в личное дело впаяйте за отказ обниматься с начальством, — проворчала я, но шаг вперёд все-таки сделала.

Гордость гордостью, а перспектива превратиться в ледяную статую лейтенанта Пушкарёвой пугала куда больше. К тому же, инстинкт самосохранения настойчиво вопил, что к этому мужчине лучше подойти добровольно.

Дамир сидел на старом, продавленном диванчике, вытянув длинные ноги в форменных брюках к едва разгоревшемуся камину. В тусклом свете пляшущего огня его рельефный торс казался отлитым из бронзы. Я сглотнула так громко, что, казалось, мыши в углах испуганно притихли.

— Иди сюда, горе моё луковое, — он похлопал по месту между своих бёдер. — Садись. И не смотри на меня так, будто я собираюсь принести тебя в жертву богам правосудия.

— Я просто оцениваю риски, товарищ майор, — буркнула я, неуклюже переступая босыми ногами по холодному полу.

Я опустилась туда, куда он указал. Спиной к нему. Это показалось мне самым безопасным вариантом, по крайней мере, мне не придётся смотреть в его проницательные карие глаза и смущаться от того, что, между нами, из одежды сейчас только тонкое пыльное покрывало и его штаны.

Дамир действовал уверенно и профессионально. Как ме-

дик, спасающий жертву обморожения. Он распахнул полы моего покрывала, обхватил меня руками и одним движением прижал к своей широкой, обжигающе горячей груди, снова закутывая нас обоих в кокон из ткани.

Я судорожно выдохнула.

Мамочки. Моя спина встретилась с его каменным прессом. Я почувствовала каждый кубик. Каждую чёртову мышцу. Мои холодные, покрытые гусиной кожей плечи оказались зажаты в тиски его сильных рук, а его подбородок мазнул по моей макушке.

От него пахло древесным парфюмом и чистым, неразбавленным тестостероном. Это был запах мужчины, который точно знает, чего хочет, и привык это получать. И сейчас этот мужчина работал моей персональной грелкой.

— Расслабься, Настя. Ты напряжена, как струна, — его низкий голос зазвучал прямо над моим ухом, заставив по спине пробежать табун мурашек, не имеющих ничего общего с холодом.

Его большие ладони скользнули по моим предплечьям, вверх-вниз, растирая заледеневшую кожу. От этого трения по телу пошло приятное покалывание.

— Сложно расслабиться, когда сидишь на коленях у начальника в костюме Евы, прикрывшись куском старой шторы, — попыталась съязвить я, но голос предательски дрогнул.

— Во-первых, это покрывало. А во-вторых... — его руки

на мгновение замерли, а затем скользнули под ткань, ложась прямо на мой живот. На голую кожу.

Я охнула и дёрнулась. Его ладони были как раскалённые угли.

— Тихо, — приказал он, чуть крепче прижимая меня к себе. — Ты ледяная. Дрожишь вся. Дай мне согреть тебя.

Он начал медленно, методично растирать мой живот, переходя на бока и талию. Его пальцы были жёсткими, с мозолями, но двигались с удивительной осторожностью, словно он боялся меня сломать. Хотя, будем откровенны, сломать меня с моими габаритами было задачей со звездочкой. Я всегда комплексовала из-за своих пышных бёдер и мягкого животика, особенно в эпоху повальной моды на фитнес-бикини.

Но Дамира, казалось, моя «неидеальность» ничуть не смущала. Наоборот. Его ладони скользили по моим изгибам с каким-то затаённым удовольствием.

— Знаете, Дамир Артурович, — пробормотала я, пытаясь удержать ускользающий рассудок. Тепло от его тела начало проникать под кожу, смешиваясь с внезапно вспыхнувшим внизу живота жаром. — В методичке по оказанию первой помощи такого точно не было.

— Методички пишут теоретики, лейтенант. А мы с тобой практики, — хмыкнул он, и я почувствовала, как его губы едва ощутимо коснулись моей шеи сзади. Всего на долю секунды, но меня словно током ударило.

Его руки продолжали свою медленную, гипнотизирующую работу. От талии к рёбрам. От рёбер обратно к животу. Каждый раз его большие пальцы проходили в опасной близости от моей груди, заставляя соски затвердеть и болезненно натянуться. И я очень надеялась, что он спишет мою реакцию на проклятый холод, а не на то, что я отчаянно теку от одних только его прикосновений.

Но Дамир Басаев был отличным опером. И он замечал всё.

— Согреваешься? — хрипло спросил он, и его ладони медленно скользнули чуть выше, накрывая мои тяжелые груди.

Я задохнулась. Слова застряли в горле. Мои руки сами собой легли поверх его сильных запястий, то ли чтобы остановить, то ли чтобы прижать ещё сильнее.

— Д-да, — выдавила я, чувствуя, как его бёдра позади меня напряглись, а то, что упиралось мне прямо в ягодицы, стало ещё тверже и горячее.

— Хорошо, — Дамир шумно выдохнул мне в шею, и его пальцы под покрывалом недвусмысленно сжались, сминая мою грудь. — Потому что я, кажется, сейчас сгорю заживо.

Глава 3

Мой мозг на секунду выдаёт ошибку 404. Кажется, система внутреннего полицейского контроля окончательно летит к чертям, потому что вместо того, чтобы вскочить, прочитать начальству лекцию о субординации и гордо уйти в дождливую ночь, я… подаюсь назад. Прямо в этот обжигающий, твёрдый и дико сексуальный торс.

Его большие ладони под дурацким пыльным покрывалом уверенно и бессовестно сминают мою грудь. Большие пальцы дразняще проводят по затвердевшим соскам, отчего по низу живота прокатывается сладкая, томительная волна.

— Дамир Артурович, — выдыхаю я. — Это… статья. Использование служебного положения в личных целях.

— Готов понести высшую меру наказания, лейтенант, — его губы обжигают моё плечо, спускаясь к основанию шеи и он бесстыдно вдыхает мой аромат. — Сразу после того, как мы закончим наш следственный эксперимент.

— Какой ещё экс… — договорить я не успеваю.

Дамир одним плавным движением разворачивает меня к себе лицом. Покрывало, наша единственная преграда от холодного воздуха и остатков здравого смысла, предательски сползает на талию.

Я инстинктивно пытаюсь прикрыть руками свою не самую модельную грудь и складочку на животе. Вся моя многолет-

няя броня из сарказма трещит по швам под его потемневшим, тяжёлым взглядом.

— Убери руки, Настя, — хрипло приказывает он, перехватывая мои запястья.

— Я не… — начинаю блеять я, чувствуя себя глупой школьницей. — У меня там лишнее…

— У тебя там всё идеальное, — отрезает Басаев с такой яростной уверенностью, что я невольно затыкаюсь.

Он мягко разводит мои руки в стороны. Его взгляд медленно, как сканер, проходится по моим округлостям. От тяжёлой груди к изгибу талии и крутым бёдрам, которые сейчас удобно покоятся на его ногах. Я физически чувствую, как под тонкой тканью его форменных штанов пульсирует его член, упираясь мне прямо в низ живота.

— Ты даже не представляешь, сколько раз я представлял тебя такой, Пушинка, — рычит он и притягивает меня к себе ещё ближе. — Пока ты шуршала отчётами в соседнем кабинете. Пока пила свой дурацкий кофе с эклерами. Какая же ты сладкая…

И прежде, чем я успеваю выдать очередную колкость про нарушение устава, Дамир впивается в мои губы.

Поцелуй выходит не нежным и не робким. Это захват территории. Он целует меня так, будто мы не застряли в лесу, а у нас в запасе считанные секунды до конца света. Его язык властно раздвигает мои губы, сплетаясь с моим в горячем, отчаянном танце. Его вкус кружит голову похлеще любого

нелегального вещества, которое мы изымали в отделе.

Надо бы составить протокол о домогательствах, но мои руки почему-то сами собой зарываются в его густые, чуть влажные волосы. Я отвечаю на поцелуй, тихо постанывая ему в рот, когда его рука скользит по моему бедру вверх, забираясь под край сползшего покрывала.

— Майор… — шепчу я, когда он на секунду отрывается от моих губ, чтобы перевести дыхание.

— Дамир, — поправляет он, целуя меня в скулу, в уголок губ, в челюсть. Его пальцы безошибочно находят самое чувствительное место между моими бёдрами, которые уже давно влажные вовсе не от проклятой лужи. — Для тебя просто Дамир, Настя.

Шершавой подушечкой пальца он касается моей киски, и я выгибаюсь в его руках, напрочь забывая и про застрявший УАЗик, и про холод, и про то, что завтра нам придётся как-то смотреть друг другу в глаза на утренней планерке. Плевать. Если это должностное преступление, я определенно хочу стать соучастницей.

Глава 4

Мой внутренний полицейский радар окончательно выходит из строя и подаёт сигналы бедствия. Вместо того чтобы зачитать майору Басаеву его права, потребовать адвоката и отстраниться, я просто тихо скулю, когда он плавно опускается на колени прямо на скрипучий пол между моих раздвинутых ног. Пыльное покрывало окончательно летит куда-то в сторону, к чёрту всю эту маскировку!

Дамир поднимает на меня свои тёмные, я бы сказала даже чёрные, глаза и смотрит так…будто я главное вещественное доказательство в деле всей его жизни, которое он наконец-то нашёл. А затем опускается ниже.

О, святые угодники. Моя броня из сарказма рассыпается в пыль, когда широким, влажным, горячим языком он проводит между моих складочек. Движется уверенно, от дырочки прямо к клитору, и губами приникает к чувствительной горошинке. Я судорожно вдыхаю ледяной воздух, впиваясь дрожащими пальцами в его тёмные, густые волосы.

Какая к чёрту пневмония? Я сейчас сгорю изнутри.

Он втягивает клитор, посасывает так, словно хочет выпить весь сладкий сок до дна. Моя поясница рефлекторно выгибается дугой. Я готова прямо сейчас написать чистосердечное признание во всех нераскрытых «висяках» нашего отдела, взять на себя кражу велосипеда у Петровича в девя-

ностo лохматом году, лишь бы товарищ майор не останавливался.

Хватка у Басаева как у спецназовца на задержании: жёсткая, фиксирующая. Языком он быстро и жёстко кружит вокруг клитора, сильнее вжимаясь пальцами в мои бёдра. От этого жеста по низу живота прокатывается такая волна жара, что у меня темнеет в глазах.

— Дамир... — хриплю я, напрочь забывая и про устав, и про то, что я вообще-то лейтенант при исполнении. Сейчас я просто сдобная, плавящаяся от возбуждения булочка в его руках.

Его губы, язык смешиваются в один большой комок удовольствия. Его щетина проходится по моей нежной коже, как тактическая щётка, заставляя вздрагивать от каждого прикосновения. Басаев явно проходил спецподготовку не только в тире.

Это незаконно. За такое превышение полномочий нужно давать пожизненное. Но в порыве отчаяния и страсти я сжимаю свою полную грудь, четвёртого размера и между пальцев сосочки прокручиваю, усиливая возбуждения.

Дамир глухо рычит, словно хищник. Он просто чемпион по кунилингусу! И по негласным допросам с пристрастием, видимо, тоже. Его язык то нежный и ласковый, то дерзкий и жёсткий, заставляет мою киску пульсировать от переизбытка чувств.

Моя внутренняя оборона рушится окончательно. Срыва-

юсь на громкий стон и сильнее пальцами впиваюсь в его густые, чуть влажные волосы.

— Ты просто невероятный, — кричу в конвульсиях.

Я скулю, запрокидывая голову, мои пальцы судорожно сжимают его плечи. А когда языком он проводит по окружности дырочки и на пару миллиметров погружается внутрь, моя внутренняя оборона рушится окончательно. Меня накрывает оргазмом так же мощно, внезапно и неотвратимо, как работает ОМОН на штурме.

Я вскрикиваю, дрожа всем своим неидеальным, но таким желанным сейчас телом в его сильных руках, и рассыпаюсь на миллион ослепительных искр прямо посреди этого ледяного, заброшенного леса. Операция по согреванию личного состава явно выходит на новый уровень.

Глава 5

Моё тело — это сейчас одна сплошная зона поражения, где рв

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.